

Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода

Виктория В. Шиповская

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кандидат психологических наук, докторант
E-mail: victship@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются модусы преодоления с позиций субъектно-бытийного подхода, обосновывается применение конструкта преодолевающей активности для выявления специфики субъектной активности личности в повседневных условиях. Предлагается на основе авторской эволюционной модели преодолевающей активности и вне бинарной логики анализировать стадии преодоления как ступени духовного восхождения к целостной внутренней форме, а также трансформацию человека в процессе переходов от одного уровня субъектной активности к другому (внутренние «спуски и подъемы»).

Ключевые слова: повседневность; инновационность; модель преодолевающей активности; модусы преодоления; восхождение; внутренняя форма.

Введение. Многогранность, сложность и неопределенность современной реальности, по-новому, проблематизируют повседневную жизнь человека. В прежних социокультурных условиях он мог предусмотреть ход развития событий, учитывать свой вклад в решение проблем, следуя определенному паттерну поведения. В усложненной реальности фундаментальной характеристикой социального окружения человека становится *изменение* [1, с.5], принцип неопределенности выходит на первый план, и появляются проблемы, которые невозможно решить привычными способами, для их понимания и разрешения требуются более изощренные способы, новые поведенческие практики, они требуют *изменения самого человека*. Для того, чтобы практиковать повышенную сложность в повседневной жизни и обеспечить полноценное аутентичное бытие, а не просто выживание и адаптированность (аналогичную прозябанию и конформизму), человек должен выработать открытую инновационную систему координат повседневных стратегий. Но большинство людей склонны «плыть по течению», считает Х. Ортега-и-Гассет. Отсутствие сопротивления внешним влияниям приводит к деформациям в человеческой природе, которые обуславливают *извращенные способы существования – тип наследника, избалованного ребенка и человека-массы* [13]. Неосмысленность и отстраненность от предназначения приводит к неаутентичности бытия, конформизму, беспомощности [19].

Материалы и методы. По мнению Б.Ф. Ломова, прогресс психологического знания предполагает как развитие внутренних связей между самими психологическими дисциплинами, так и развитие междисциплинарных связей [9, с. 24]. Сегодня этот «полифонический принцип» – сетевое переплетение исследований и полипарадигмальность, реализуется в психологии. Положения синергетики, первоначально оформленные в философии и естественных науках, обусловили возможность «парадигмального сдвига» к постнеклассической парадигме в психологии [5], введению нестабильности в качестве единицы анализа [1], «множественности контекстов и взаимосогласованности научных теорий» [16], выведению теоретических построений «за пределы бинарных шкал», переопределению объекта и предмета психологии [7; 8]. Синергетический подход позволил трактовать личность как открытую саморазвивающуюся систему, находящуюся в непрерывном становлении [7; 17]. На базисе психологии субъекта сформировались научные направления, в том числе, субъектно-бытийный подход, в контексте которого способность человека инициировать свою активность, определяя и расширяя свои бытийные пространства, признается важнейшим свойством субъекта [15; 16; 18]. Субъектно-бытийный подход открывает перспективы расширения смыслов психологических категорий, новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым

она выступает субъектом, создавая возможность изучения опредмечивание человеком своего замысла, [15; 16], позволяя выразить многокачественность и целостность развития человека и конструктивно решать проблемы качественно нового уровня сложности [18].

Обсуждение. По мнению З.И. Рябикиной, личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены «пространства ее реализаций» или «бытийные пространства», так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею, в соответствие со структурой ее смыслов» [15, с.430]. Отталкиваясь от данного понимания личности и концепции личности как субъекта бытия в экстремальных условиях [18], мы вышли к конструкту субъектной активности, который позволяет изучать *конструкт преодоления*. Рассматривая феномен преодоления в онтологическом аспекте как конструкт, встраивающийся в предметную область «личность и ее бытие», мы опираемся на методологическое положение С.Л. Рубинштейна о человеке как *субъекте преобразований и самоосуществления*, способного к преобразованию действительности («сопротивляющейся» действиям человека) и конструированию своей сущности в процессе взаимодействия с жизнью, людьми, обществом и самой жизни, как адекватной этой сущности [14]. На основании принципа субъектности, преодоление как специфический способ субъектной активности личности рассматривается как интегративный и многоуровневый феномен, содержание которого включает все уровни личностной бытийности (смысловое пространство, мотивационно-потребностная сфера, образ мира и внутренний образ, линия поведения). Конструкт преодоления представляет собой сложную иерархически организованную открытую систему, уровни которой включают в себя хорошо изученные понятийные конструкты – адаптацию, защитные механизмы, саморегуляцию, самодетерминацию, автономность [18], жизнестойкость [21] и др. Конструкт преодоления органично встраивается в категориальную сетку субъектно-бытийного подхода, позволяя изучать виды специфического конструирования реальности бытия, а также изменения личности в процессе преодоления. Поскольку преодоление выступает механизмом, запускающей процесс субъектной активности, то конструкт позволяет раскрывать специфику субъектной активности личности в онтологическом плане, прежде всего, как субъекта инновационной деятельности, склонного к творческому и синтетическому конструированию всех бытийных пространств, без жесткого разграничения внутреннего и внешнего бытийных пространств.

Вместе с тем, конструкт позволяет по-новому раскрыть аспекты дегуманизации, причины таких проявлений человеческой природы как злоупотребления, пытки, соблазн, предательство, трансформацию человека (см. Стэнфордский «тюремный эксперимент [6]), когда «даже лучший представитель рода человеческого, поставленный в плохие социальные и институциональные условия, не гарантирован от дурных поступков» [12, с. 226]. Уже сделаны попытки объяснить деструктивность, исходя из построения личностных уровней. Согласно структурно-эволюционной модели протестной личности, деструктивные личностные тенденции указывают на актуализацию субличностного уровня «Эндо Я», отвечающего за удовлетворение первичных социальных потребностей и получение выгоды, а также уровень «Я», часто не справляющееся с ролью регулятора, когда оно перегружено проблемами внутренних конфликтов и ограничений внешних пространств [4]. В этом случае происходит искажение субъектности, формирование ложной субъектности [3]. Такие феномены, как мужество, стойкость (перед пытками, соблазном), героизм, самопожертвование, которые наблюдались и раньше, но оставались без должной интерпретации, благодаря конструкту преодоления могут получить расширенное толкование не только в контексте «границных» обстоятельств, но и в ракурсе повседневности. В то же время, наблюдается отмеченная З.И. Рябикиной проблема инерции категориального аппарата, связанная с тем, что взаимодействие человека с миром все еще интерпретируется преимущественно в контексте «адаптивной парадигмы». Конструкт «преодоление», обнаружив семантическую близость с совладанием, продолжает синонимизироваться с конструктом «копинг-стратегии». И хотя сегодня все острее ставится вопрос о преобразующей, инновационной деятельности человека [8], обладающей процессуальностью, проявляющуюся и в саморегуляции, и в саморазвитии [17], исследователи не стремятся выйти из «адаптивного понятийного круга», продолжая акцентировать свое внимание на зрелых и незрелых защитных механизмах, адаптации, продуктивных и непродуктивных копинг-стратегиях. Конструкт «совладание», обладающий статичностью, ориентированный на настоящее, вряд ли сможет объяснять все противоречия

личности в усложняющихся условиях бытия, тем более, ненормативную, сверхнормативную природу человека; он также не сможет включить в себя и неадаптивную «творческую» и инновационность. А. Маслоу видел большую скрытую опасность в возрождении в новой и более изощренной форме привычке отождествлять психическое здоровье со способностью приспосабливаться, призывая «подниматься над окружением, быть независимым от него, противостоять ему, сражаться с ним, пренебрегать им, отвергать его или переделывать его» [11, с. 221-222]. К.Г. Юнг категоричен в оценках адаптации и нормальности, считая эти понятия ограниченными: «Нормальный человек» идеальная цель для неудачников, – для всех тех, кто находится ниже общего уровня приспособленности. Однако для людей, которые способны на большее, чем средний человек, ...для них идея или моральное принуждение ничем не отличается от «нормальных людей» является, по сути, прокрустовым ложем, непереносимой смертельной скукой, бесплодным, безнадежным адом» [22, с. 30]. По А. Бергсону, задача человека состоит не в том, чтобы приспособливаться к реальности или властвовать над ней, а в том, чтобы развивать и продолжать в бесконечность жизненный порыв, совершенствовать наличные формы культуры и создавать новые [2].

Результаты. Многоуровневая модель преодолевающей активности [21], обладая процессуальностью, позволяет анализировать вне узких рамок бинарной логики модусы преодоления как стадии *духовного восхождения или спуска*, а также духовную трансформацию человека в процессе переходов от одного уровня субъектной активности к другому [20; 21]. Динамичность преодолевающей активности раскрывается через переходы от одного модуса бытия к другому. Следуя *реактивному или стихийному модусу* (индивидуальный уровень преодоления), человек не совершенствуется в духовном плане, он предпочитает конформистскую линию приспособления, реализуя ее в защитах, беспомощности, агрессии, в результате чего, реальность может искажаться [3]. В этом модусе, «перегруженном» внутриличностными противоречиями, наблюдается тенденция к «скатыванию» личности, к «субчеловеческим формам существования» (по Д.А. Леонтьеву), вплоть до утраты личностности [10;13]. *Модус личностного преодоления* соотносится с продуктивным совладанием (ассертивностью, вступлению в социальные контакты, поиском социальной поддержки), зрелыми защитами. Выбор этого модуса, вероятно, связан с представлением о том, что «быть нормальным человеком – есть самое полезное и целесообразное, что можно придумать» [22, с.30]. Люди, следующие этому модусу (литературные герои: муж Анны Карениной или Сомс Форсайт) – люди «псевдосреды», способные решать проблемы, но вследствие ригидных установок, остающиеся на прежнем личностном уровне. *Субъектно-бытийный модус* направлен к преодолению ограниченности личностной ресурсности (персонажи Дж. Лондона, Э. Хемингуэя, Б.Полевого). Реализуя этот модус бытия, субъект может гибко перестраиваться, осуществляя одну из линий жизни, однако он не стремится к трансценденции. *Трансубъектный модус бытия* – творческий модус субъектной активности, направлен к трансцендированию, преодолению стереотипов, косности и сопротивления бытийных пространств (П. Корчагин А.Н. Островского).

Трансвременной модус один из высших уровней духовной эволюции (мы намеренно интерпретируем его в терминах А. Бергсона), поскольку фактом жертвенного служения человечеству приводит к «духовному бессмертию». Личность, воплощая этот модус бытия в гениальных произведениях или поступках, посредством волевых актов, невероятного самонапряжения, вносит значительный вклад в мировую культуру, открывает новые пути для совершенствования будущих поколений [20; 21]. И переходы, и сами модусы обладают качеством темпоральности, порождая, по А. Бергсону «мелодию внутренней жизни», они взаимодействуют и взаимопорождают друг друга. Успешная (в духовном плане) реализация какого-либо модуса «поднимает» человека на новую ступень, приближая его к пониманию этапов становления, постижению личностной сущности и предназначения. Это предположение согласуется со многими положениями, например, идеей В.Е. Ключко о том, что сущностью становления является «взаимопереход взаимодействующих сторон», «усложнение системы происходит за счет вбирания в себя результатов предыдущих взаимодействий» [8, с. 175]. Изначальную незаконченность человека, обусловившую необходимость его непрерывного самосозидания, отмечает М. Мамардашвили: «человек не создан природой и эволюцией. Человек создается... в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта непрерывная создаваемость и задана для него в

зеркальном отражении самого себя символом «образ и подобие Божье. То есть человек есть такое существо, *возникновение которого непрерывно возобновляется...* с каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [10, с. 58-59]. По К. Ясперсу, внутренняя противоречивость бытия не должна останавливать человека, он должен постоянно прорываться через круги пассивности, от его активности зависит продвижение к незнакомой цели и «то, как он себя преодолевает, составляет способ его проникновения в себя» [23, с. 378].

Заключение. Выделенные и описанные модусы преодоления сопряжены с уровнями преодолевающей активности [21] и раскрывают виды и качество субъектной активности, позволяют анализировать ее специфику с позиций истинной [18] или ложной субъектности [3]. Конструкт преодолевающей активности обладает качествами саморазвивающихся систем открытостью, непрерывностью, инновационностью и незавершенностью. Преодоление – это непрерывный процесс творения бытийных пространств, напряженный поиск целостности и обретение личностной формы, собственного образа, истинной субъектности.

Примечания:

1. Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. С.5-15.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Кучково поле, 2006. С. 384.
3. Гусейнов А.Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Матер. VI Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: КубГУ, 2013 С. 273-275.
4. Гусейнов А.Ш. Негативный потенциал протеста: психологический анализ // Армия и общество. М.: "Наука-XXI". №1. 2013. С. 169-175.
5. Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 98–103.
6. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Издательство «Альпина Нон-фикшн», 2013. 740 с.
7. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. Т.3 (1).2008. С. 165-178.
8. Ключко В.Е. Психология инновационного поведения // В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский. Томск: Томский госуниверситет, 2009. 240 с.
9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии // Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: «Наука», 1984. 444 с.
10. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Маслоу А.Г. Психология бытия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 304 с.
12. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. 430 с.
13. Ортега и Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
15. Рябикина З.И. Исследование бытия личности и ее события с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Матер. Междунар. конф. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 430-433.
16. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИПРАН, 2005. С. 45-57.
17. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru> (дата обращения: 04.11.2013).
18. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия // Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: КубГУ. 2010. С. 158-174.
19. Шиповская В. В. Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009. 245 с.
20. Шиповская В.В. Преодолевающая активность личности как потенциал субъектности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Матер. Междунар. конф. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 463-466.

21. Шиповская В.В. Уровневая модель преодолевающей активности // *Личность и бытие: субъектный подход: Материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф.* // Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. С. 303-305.
22. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 336 с.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991. 527 с.
24. Ryan R., Deci E., Grolnick W. Autonomy, relatedness, and the self: Their relation to development and psycho-pathology // *Developmental psychopathology* / Eds. D. Cicchetti, D. Cohen. N. Y.: Wiley, 1995. V. 1. P. 618-655.

UDC 159.9

The Types of Overpowering Personality Activities from the Point of View of a Subjective and Existential Approach

Victoria V. Shipovskaya

Kuban State University, Russia
350040, Stavropolskaya str. 149, Krasnodar
PhD (psychology), Doctoral candidate
E-mail: victship@mail.ru

Abstract. The article examines the various types of overpowering from the point of view of a subjective and existential approach while at the same time justifying the use of the construct of an overpowering activity to identify the specific characteristics of the subjective active personality within everyday situations. On the basis of the author's evolutionary model of overpowering activity and outside of binary logic, the author proposes to analyse the stages of overpowering as steps within the spiritual ascent towards a harmonious inner form, as well as the transformation of the individual in the process of moving from one level of subjective activity to another (inner "falls and rises").

Keywords: every day; innovation; model of overpowering activity; types of overpowering; ascension; inner form.